

Московский театр Ленком открыл свой юбилейный, семидесятый сезон. Конечно, и старожилы Ленкома, и молодежь помнят, что ТРАМ — это не только Театральный ресторан актеров Москвы, располагающийся уже год в здании Ленкома на улице Чехова, 6, но и Театр Рабочей Молодежи, поселившийся семьдесят лет назад в бывшем доме Московского купеческого собрания по этому же адресу.

Двадцать три года назад в это старинное московское здание пришел Марк Захаров, и с тех пор в биографии Театра имени Ленинского комсомола, современного Ленкома, началось его время.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЛЕНКОМА

-Вчера или почти вчера Московский театр Ленком открыл новый сезон, который будет для нас особо торжественным и знаменательным. Наш театр был организован очень давно, у него сложная, богатая событиями история. Мы стараемся наследовать всему лучшему, что было в этом театре до нас, поддерживаем его былую популярность и те традиции, которые были заложены его основателями. Если смотреть на "вчера" шире, то в последние годы, как мне кажется, в связи с отменной цензурой и разрушением страшного аппарата, давившего и уничтожавшего многих художников, нам удалось создать несколько спектаклей, которые стали особенно любимы и посещаемы москвичами и гостями Москвы. Я имею в виду "Безумный день, или Женитесь Фигаро", "Королевские игры", "Чайку", "Сорри", "Чешское фото". Сюда же можно отнести и

человек — композитор Шандор Каллош. Он маг и волшебник и подарил нам много радостных минут творческого взаимодействия.

Спектакль является приятным событием в моей жизни еще и потому, что я познакомился с очень интересным художником, которого пригласил наш главный художник Олег Шейнцис. Это Юрий Хариков, изготовивший не только оригинальное оформление и костюмы, но и сумевший убедить нас, что все должно быть именно так. Я понял этот мощный агрегат, который все называет по-разному — кто капсула, кто боль, кто... Есть всяческие трактовки того, что мы видим на сцене, тот декорационный основной объект, который трансформируется на протяжении действия спектакля, должен выйти в зрительный зал и остаться в нашей памяти как воспоминание о тех страданиях и радостях, которые испытывали

хронологию воспоминаний) был поставлен в 1981 году. Улетел на месяц, вернулся почти через два.

— "Юнону" и "Авось" мы играли в театре, примыкающем к Бродвею. Поразили американская звукоорежиссура и американский театральный профсоюз, заявивший нам, что они внимательно изучили наш спектакль, его сложность и по всем законам американским его должны обслуживать 30 человек. Несмотря на мой агрессивный протест и уверения, что наши 7–8 монтажников прекрасно справляются, ничего не хотели слушать.

Была большая сложность с пылающим факелом, который нам удалось отстоять в Москве перед нашими пожарниками. Американцы тоже пошли навстречу, но когда на генеральной репетиции Абдулов выскочил с факелом на сцену, они стали за ним внимательно наблюдать, а потом сказали, что в принципе они не возражают, но только чтобы факел был цепочкой прикован к руке артиста. Они сказа-

Захарова.

— Когда я предложил труппе это название, у меня был довольно сложный момент в жизни. По некоторым сведениям, меня собирались снимать с должности главного режиссера. Нужен был какой-то спектакль, который бы переломил ситуацию. Но случилось "бунт на корабле" — артисты не хотели связываться с этим названием. Я написал режиссерский сценарий, как это делается в кинематографе, и с большим трудом сумел убедить труппу, что может получиться интересный спектакль. Так оно и вышло. Там замечательно играли Евгений Павлович Леонов, собрав и продемонстрировав всю свою коллекцию номенклатурного поведения больших начальников, Инна Чурикова, Александр Абдулов.

— Мы подходим к тому времени, когда уже можно сказать "двадцать лет назад...". Именно в 1975 году в репертуар Ленкома появляется чеховский "Иванов".

— "Иванов" подвергся очень большим нападкам, не понравился критике. Цензурный аппарат меня донимал тем, что Евгений Павлович Леонов — лысый человек, а его полюбила доста-

ная заразительность, может быть, глуповатая, может быть, наивная. Но спектакль вышел азартный, на него стали ходить. Возможно, не хватало тогда в Москве шумных зрелищ. Олег Янковский сыграл там свою первую роль в Ленкоме.

— Марк Анатольевич, каким был для вас день, когда вы узнали, что назначены главным режиссером Московского театра имени Ленинского комсомола?

— Случилось это так. Один человек вызвал меня в соответствующую инстанцию, где произошел следующий диалог:

— Ты хочешь больше не работать очередным режиссером в Театре сатиры, а иметь свой театр?

— Конечно, хочу.

— Ну тогда пиши заявление в партию.

— Обязательно?

— Обязательно, иначе не назначат.

— А если напишу, назначат?

— Если напишешь, сразу назначат.

Так что у меня есть серьезное оправдание присутствия в этой организации — это было связано с профессией. Я написал заявление, и через месяц мне сказали,

МАРК ЗАХАРОВ:

Дальше, дальше, дальше...

"Мудреца", и "Поминальную молитву" — спектакли, которые никогда не могли бы появиться в доперестроечное время. Мы очень гордимся, что уцелели и не потеряли своего зрителя в момент общественного слома, изменения вкусов и потребностей зрителей, в момент серьезных катаклизмов в театральном мире.

А вообще "вчера" — мы создали свой стиль, свой почерк. Он связан с театральным азартом. Это обязательно. Мне очень нравится словосочетание "фантастический реализм" — вахтанговский термин, и всегда хотелось создавать произведения, которые были бы интересны гурманам, людям с повышенными театральными требованиями, истинным театралам, и тем, кто пришел в театр впервые. Мы с большим трудом завоевали определенный кредит доверия, любовь и внимание зрителей.

— Марк Анатольевич, всякая история собирается из мелких и очень мелких подробностей и деталей. Итак, вспоминайте, что было месяц, два, три назад, весной 1996 года?

— Ленком был на гастролях в Днепропетровске, Израиле и Риге. Гастроли — это удивительное обновление организма, встреча с новым зрителем в новом пространстве, с каким-то новым настроением и эмоциями. Мне даже трудно выделить, какие гастроли были наиболее интересными. Днепропетровск сразу встретил нас празднично, изголодались наши братья-украинцы по русскоязычному театру с серьезным репертуаром, с большим количеством спектаклей и известных имен. Эмоциональный поток, идущий от зрителя, был настолько силен, во время поклонов аплодисменты переходили в рев восторга, что в какой-то момент вдруг я даже почувствовал некоторую опасность и посоветовал молодым артистам относиться к этому с уважением, но не терять голову.

В Израиле тоже было очень любопытно. Наш импресарио снял огромный зал на 2 тысячи человек. Зная по прошлым нашим поездкам в Израиль, что, в общем, русскоязычное население ведет трудный образ жизни и испытывает определенные финансовые сложности, я, честно говоря, в большой тревоге провел первые часы перед спектаклем "Юнона" и "Авось". Но потом, к нашей общей радости, обнаружил, что зал заполняется, и с каждым разом все интенсивнее и интенсивнее. Так что земля обетованная, с которой нас связывают не просто культурные, но метафизические, может быть, мистические связи, подарила нам тоже много радости.

Что касается Риги, то мы были опечалены материальным положением некоторых русскоязычных слоев общества. А билеты дорогие. Но постепенно возрастал интерес, и город разгорелся от контакта с московским Ленкомом. Гастроли мы завершили триумфально, даже возникло двойное отношение к такому успеху. Нужно точно указать, сколько раз можно выезжать на гастроли из своего дома, чтобы не забыли в Москве, не отыскили и не разлюбили.

— Октябрь 1995 года. "Королевские игры" — что было для вас новым?

— Спектакль создавался очень сложно. Мне понравилась пьеса М.Андерсона "1000 дней Анны Болен", но когда начал репетировать, понял, что на сегодняшний день она не совершенна, хотя драматург вне подозрений. Пьеса, написанная в 1948 году, имеет сильный кинематографический налет. В то же время она похожа по своей фактуре на шекспировские сочинения, но в ней отсутствует юмор. Вернее, отсутствовал, пока не появились Григорий Горин. Возникли новые роли, возникла та довольно сложная, условная театральная структура, которую мы назвали "опера для драматического театра", появился очень интересный

наши далекие предки.

Очень хорошо, что в этом спектакле засверкали два новых имени — Амалия Мордвинова и Александр Лазарев. В Ленкоме появляются молодые люди, которым мы смело можем доверять большие роли и которые это доверие оправдывают.

— Прошел еще один год, только не в будущее, а в прошлое. Наступил октябрь 1994 года. У вас завершился многолетний репетиционный процесс "Чайки".

— Для меня это была принципиально важная работа. Я всегда считал, что надо делать то, чего зритель совсем не ожидает от театра, а здесь было, я бы сказал, уважительно-традиционное обращение к Чехову. Хотя потом пресса все равно написала много интересного на тему соответствия нашего спектакля так называемому чеховедению. Было очень любопытно читать критические отзывы, думать об этом, разбираться. Во всяком случае это наш Чехов, и он непохож ни на "Безумный день", ни на "Королевские игры". Конечно, были и есть замечательные работы наших мастеров: Инна Чурикова в очередной раз преподнесла нам подарок — Аркадина, работа, о которой можно отдельно много говорить и писать. Олег Янковский не побоялся развить и углубить те стороны своего актерского дарования, которые не эксплуатируются кинематографом и могут быть увидены только на сцене. Мне очень нравится, как работает молодая пара — Дмитрий Певцов и Александр Захаров. Удивительная работа у Леонида Бронегова, которого очень высоко оценил Петер Штайн. Он пришел к нам на спектакль и сказал: "Вот этого актера я бы обязательно пригласил к себе в Германию". Слышать такое мне было очень лестно, хотя ужас от одной этой мысли на некоторое время поверг меня в шок.

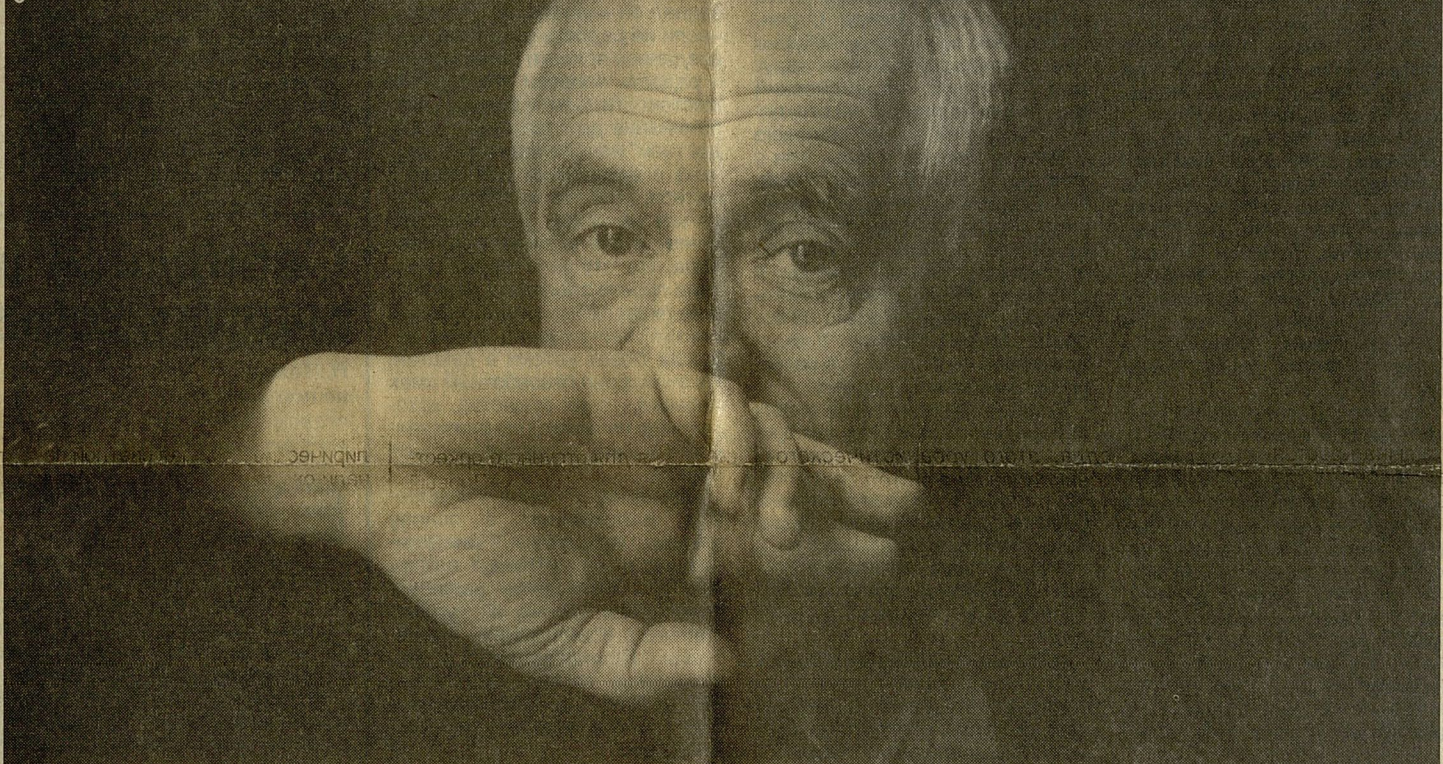
— О "Безумном дне, или Женитесь Фигаро" 1993 года говорили, что в нем много политики.

— Прежде всего, конечно, я довольно много занимался политикой. Раз меня убедили все театроведы и прочие серьезные исследователи, что именно после этого спектакля началась Великая французская революция, я сделал допуск — а может быть, она началась одновременно со спектаклем? В нашей постановке есть тема революции, но как бы несерьезно, как бы с некоей иронией, потому что человек рождается не для того, чтобы ползая на брюхе с винтовкой, стрелять, убивать себе подобных даже во имя высоких благих идеалов, а чтобы любить, чтобы жизнь была прожита ярко. Все это нам и удалось соединить. Серьезно заниматься сейчас политикой, по-моему, невозможно. Она очень надоела.

Вспоминая "Безумный день", естественно, хочется говорить о "втором поколении" и о молодежи Ленкома. Был такой момент, когда мне показалось, что в связи с этим спектаклем мы продлили жизнь Ленкому во всяком случае десятилетия на два-три, как в свое время сделал МХАТ. Кроме Чуриковой, Янковского, Абдулова, Збруева, Бронегова, Стеклова, Колычева, Ларионова, должна вырастать обязательно новая поросль. Это традиция русского репертурного театра, который хочет жить долго и не хочет умирать, несмотря на то, что смерть все равно неизбежна для творческого организма. Так мы устроены. Тем не менее ее можно отдалить. Мы доказали, что зритель сегодня идет в театр не обязательно на "звезд". Можно сделать спектакль, где будут люди неизвестные, молодые, новые, но от этого он не потеряет своего привлекательности, а наоборот, обретет ее.

— Под новогоднюю ночь 1990 года Ленком впервые улетел на гастроли в Америку со спектаклем "Юнона" и "Авось", который (нарушим

Фото В.ГОРЯЧЕВА

ли, что артист странный, вид у него безумный, не исключено, что он швырнет факел в зрительный зал. Я попробовал объяснить, что Абдулов никогда не совершит столь опрометчивый и гнусный поступок, но они сказали, что глаза у него очень подозрительные и вообще он находится в истолуленно-агрессивном состоянии. Так что Абдулов был закован с факелом.

Был эпизод, который запомнился надолго. У нас остались там два артиста. Но они остались уже в такое время, когда не нужно было класть партизлы на стол. Не было никакой паники. Один человек оставил мне письмо, а второй объяснил, что это было связано с замужеством. Впервые в моей жизни заграничное чрезвычайное происшествие воспринималось как обычная, естественная человеческая акция. Меня порадовало, что в общем мы ощутили себя нормальными людьми.

"Юнона" и "Авось" — одна из самых любимых страниц в истории Ленкома. Это был единственный спектакль, который в 1981 году приняли сразу. Обычно же наши постановки принимали через месяц, два, три, иногда через год. А здесь мы заранее с Андреем Вознесенским и Алексеем Рыбниковым наметили пути отступления, определили для себя красную черту, за которой мы ничего не отдадим и не уступим цензуре. И неожиданно комиссия сказала, что хороший получился спектакль. Мы поняли, что произошло чудо. Вознесенский предложил мне срочно поехать в Елоховский собор и поставить свечку казанской Богородице, что мы и сделали. Сложности начались после того, как в журнале "Штерн" появилась маленькая заметка: "В связи с тем, что религия в Советском Союзе полностью уничтожена, единственное религиозное питание для молодежи осуществляется ныне дважды орденосный Театр имени Ленинского комсомола". После этого у нас пошли большие неприятности.

— Но еще в самом начале так называемого "американского сезона" в Театре Ленком в сентябре 1989 года наконец состоялся долгожданная премьера спектакля "Поминальная молитва", который был готов давно, но откладывался по болезни Евгения Леонова.

— Этот спектакль продолжает оставаться для нас легендой. Конечно, соединение на сцене

тим ваших актеров в несчастных людей. По-настоящему нельзя венчать на сцене, надо только культурно и грамотно обозначить этот момент.

— В "Мудреце" того же 1989 года прозвучали новые акценты. Это была довольно неожиданная "мудрость".

— Может быть, сказались мои личные раздумья о жизни, связанные с темой стола. Каждый человек испытывает искушение сесть за стол и отобедать вместе с королевой, или с президентом, или с мэром и московским правительством. И вот очень многие люди кладут жизнь, чтобы провратиться к этому столу, но, достигнув, ощущают, что еда может не пойти впрок. Можно поперхнуться и почувствовать некую эфемерность устремлений.

— Десять лет назад мы впервые почувствовали "ветер перемен". И это отразилось в вашем своеобразном манифесте нового времени — "Диктатуре совести" М.Шатрова. А еще задолго до этого, в конце семидесятых, появился публицистический спектакль "Революционный этюд".

— Вспоминая наше сотрудничество с Шатровым, я не сожалею, что мы занимались ленинским темой. Это был мощный рычаг для уничтожения сталинизма, который так деформировал нашу психику. Здесь был применен достаточно новаторский ход, не использовавшийся нигде ранее. Я не видел ни в одном спектакле, чтобы человек выходил с микрофоном в зал и организмовал совершенно непредсказуемое участие зрителей в интеллектуальной игре. Олег Янковский всегда очень тонко и умело просчитывал, что где сидит, и подключал к действию интересных людей.

Спектакль "Революционный этюд" очень долго не принимали. Он считался сверхестественно новаторским, очень смелым. Мне объяснили, что у нас Ленин — один, а должен быть с единомышленниками. Я все время апеллировал к Гамлету и говорил, что если бы у Гамлета была компания принцев-единомышленников, то не получился бы спектакль.

— В июне 1983 года вы преподнесли щедрый подарок театроведам, поставив "Оптимистическую трагедию" Бс.Вишневского. Они тут же стали говорить, что в истории театра было три великие "трагедии" — у Таирова, Товстоногова и

точно молодая женщина. И все ссылки на то, что случилось в нашей истории, когда лысых людей любили (тут я весь исходил намеками), не действовали. Даже заместитель директора однажды сказал мне: "Марк Анатольевич, ну давайте плюнем и приобретем на "Мосфильме" специальную накладочку для Евгения Павловича по беззаличному расчету". Но спектакль неожиданно прозвучал первым номером, был высоко оценен на гастролях в Чехословакии и Польше. Почему-то именно за границей я поверил, что не зря мы коснулись Чехова. У Инны Михайловны Чуриковой была выдающаяся работа — роль Сарры.

— Годом раньше зрителям пришлось заново оценить размеры ленкомовского зала. Результат был неутешительным: зал оказался до неприличия мал. Поэтому зрители висели, лежали и стояли в проходах, а на сцене в это время шел "Тиль".

— Да, это был такой переломный момент, когда зрители поняли, что наш театр состоялся и в него надо ходить. С 1974 года у нас начались аншлаги. Кто-то даже предложил нам взять пример с МХАТа, но вместо чайки прилепить на занавес колпачок Тили, чтобы всегда помнить об этом спектакле, который принес нам такой успех. Началась какая-то новая эпоха в истории этого театра. Кроме того, молодой, никому неизвестный артист Николай Караченцов проснулся знаменитым и доказал потом, что он обладает вокальными, музыкальными данными, определенной заразительностью и редким темпераментом. В спектакле "Тиль" у нас впервые был приглашен настоящий ВИА, который стал потом рок-ансамблем. Вместе с композитором Геннадием Гладковым мы нашли этот студенческий коллектив на одной подмосковной танцплощадке, а потом уже наши музыканты профессионализировались.

— И все-таки вашей первой работой в Ленкоме был спектакль "Автоград-XXI", премьера которого состоялась в декабре 1973 года.

— Я начинал работать в Ленкоме еще не как главный режиссер. Мы с Юрием Визбором придумали эту пьесу. Придумали, наверное, от отчаяния, от ощущения, что надо обязательно что-то делать. Сочинили что-то громкое, несуразное, но в этом действе была какая-то живот-

что я назначен главным режиссером Московского театра имени Ленинского комсомола.

— Мы начали разговор со слова "вчера". История Ленкома прошлых лет в основных вехах прочитана. Но в театре новый сезон. Все отдохнули за лето и пришли в свой театральный дом. Каждый артист мечтает о новой работе, а у вас, наверное, как всегда, много оригинальных идей. История Ленкома продолжается. И поэтому — "завтра"...

— В этом сезоне мы обязательно завершим две работы, репетиции которых начались еще в прошлом. Это "Варвар и Еретик" по роману Ф.Достоевского "Игрок", где заняты и молодые актеры — Александра Захарова, Александр Лазарев и почти все наши ведущие артисты — Александр Абдулов, Инна Чурикова, Олег Янковский, Александр Збруев, Леонид Бронегов. И очень интересное произведение, во многом экспериментальное, преподнесла нам Инна Садур — "Брат Чичиков" по "Мертвым душам" Н.Гоголя. Над спектаклем работает наша ведущая актриская молодежь, второе поколение Ленкома — Дмитрий Певцов, Сергей Чонишвили, Виктор Раков, Иван Агапов, Людмила Артемьева, Наталья Щукина, Мария Ильинская. Им помогают Всеволод Ларионов, Александр Сирин, Елена Шанина, Татьяна Кравченко, Сергей Степанченко, Игорь Фокин. Есть еще одна надежда и еще один замысел. Григорий Горин сейчас над ним работает. Мы договорились с Владимиром Спиваковым о совместном спектакле — "Виртуозы Москвы" и московский Ленком. У этой грандиозной идеи есть спонсор из Днепропетровска — Виктор Пинчук, который очень помогает нашему театру. Он сам еще придумал и сейчас активно пытается реализовать. Ищем современную пьесу. Больше всего боюсь, что не сможем найти.

А вообще хочется, чтобы завтра было немножечко похоже на сегодня, потому что я, конечно, помню некоторую важность экспериментальных скучных спектаклей в подвалах, там есть интересные явления, но тем не менее для меня театр — это большой зрительный зал, это вопрос лишнего билета, это аншлаги. И это всегда было в нашем театре и, надеюсь, несмотря на солидную юбилейную дату, еще будет.

Беседу вел
Оксана ШАПАРОВА